

Женщины продают яблоки,
стоят у дороги с корзинами, смотрят вдаль.
В корзинах согретый солнцем белый налив.
И женщины ждут, что завтра
будут еда и вода,
не рухнет небо, мимо пройдет беда,
а белый налив ничего не ждет,
он полон сока и жив.

Зерна в нем сладкие, и белая его плоть
наполнена запахом августа и тепла.
Женщины смотрят вдаль, от пыли дорога бела.
В сумерках будет прохладно, время полоть,
ужинать, доставать молоко и хлеба ломоть,
молиться, чтоб завтра Богородица уберегла.

Белое яблоко хрустнет на чьих-то зубах,
брызнет кислым соком, и зерна его упадут
в землю, что от проплешин в траве ряба,
в дикую кашку и резеду,
тонким ростком проклонется по весне.

Персефона

зимой и летом
носила тоненькие браслеты,
серебряные, звенящие ветром.
наматывала свои километры —
самолетами, поездами и автостопом.
пила американо с миндальным сиропом,
в придорожных заправках покупала сосиски в тесте.
и кто-то был рядом, но никогда не вместе.
любила банданы красного цвета.
так было зимой и летом, зимой и летом.

ад начинался с первыми весенними днями,
также осенними — как будто отняли
что-то, без чего она не была человеком.
забывалась в темное место — как клочья снега
забывались под елки. У себя в аду она слушала только мертвых,
говорила исключительно с ними.

на ее руках исцарапанных и на джинсах потертых
проступали карты нездешних рек темно-синим.
пахло болотом ее в аду, гнилым да стоячим,
ничего там не было настоящим,
проступали фиолетовым синяки на руках и груди,
словно кто-то безнадежно хватал за руки,
словно слышала голоса в бесконечном стуке
межсезонных дождей, и они молили спасти.
но она не могла спасти.
и она все думала: «мама, мама,
неужели мы с тобой искупили мало,
мамочка моя, зачем ты меня рожала
в это горе горькое, в осиные жала,
в половину жизни и половину смерти,
я же девочкой маленькой твоей — в белом конверте
на руках у тебя лежала.
мама, зачем ты меня оставила, недолюбила, недоспасла?
мама, укрой меня, в аду моем нет тепла».
и мать ее — зеленое плодородное поле —
не спит ночами, плачет от боли,
карта ада проступает у нее под кожей,
и видит она все то же, и чувствует то же.
и тянется мама к ней через мир, через желтое солнце,
ястребом к ней несется.
но ад в другой стороне, по другую сторону,
и дорогу ей заступают волки да вороны,
а и дорога становится глиняной кашицей.
а она все бежит, и все-то ей кажется,
что вдали на лугу ее дочка сидит и смеется,
и к веснушчатой коже прилипло солнце,
и самая она счастливая, самая лучшая.
и не случилось ничего плохого — ни в коем случае,
и они не расстались, не потерялись в разных мирах.
и не существует ад, не существует страх.
и обязательно — не существует смерть.

и бежит, но ей не успеть.

Она надевает розовую футболку с надписью «Ня», она надевает оранжевые носки. Окружающий мир полон ужаса и тоски, но у нее броня. Она выбирает самый дурацкий зонтик, она готовится, как боец, идущий за линию фронта, как космонавт, выходящий в открытый космос. Она надевает сережки с котами. Скоро дождь, болит голова и кости. Ей семьдесят два, и скоро ее не станет, она это знает по-осеннему остро. Она идет, дурацкая и смешная, сережками эмалевыми болтая, сосредоточенная, словно боец спецназа. Они, конечно, достанут ее, но не сразу, она успеет еще побороться. Она проходит между дворов-колодцев, мимо шумных людей, размахивающих руками, мимо злобы и зависти, мимо воды и камня, сумасшедшая, потерянная старуха. Главное —

помнить: когда станет постепенно смеркаться и ветер завоюет по-особому глухо — то поможет булавка, приколотая на лацкан, поможет розовая футболка и дурацкая шляпка, поможет ждущий дома котенок с мягкими лапками, поможет от черных, страшных, лезущих из подворотен, из водостоков, из глаз незнакомых людей, из чужой тоски.

И мир устоит, останется цел и свободен, пока на артритные ноги она натягивает оранжевые носки.

У Сереги волосы рыжи, скулы худы,
он пришел воевать за правду в своем дому,
но ложится на землю, дрожащую от беды,
и по-русски ему земля говорит: «Приму».

Витька тоже повоевал, но потом ушел,
Воевал за других. Но, когда допивает чай
и за сердце хватается, падает грудью на стол,
то по-русски солнце ему говорит: «Прощай».

На разбомбленном кладбище тихо, закатный свет
на разбитый каменный лик ложится невдалеке.
Ни единого шороха — слышится только смерть,
и она говорит на родном, на родном языке.

Не надо, не накапливай вещей,
Любовей, горестей и мертвецов,
Не запасай соленья и не шей
Приданого. Так выйдешь на крыльцо —
А там на север тянутся уже,
Идут, идут под синяками туч,
Оглядываясь, все настороже,
Везут с собой среди полей и круч
На стареньких телегах — да гробы,
С костями прадедов, друзей, учителей.
И ты возьмешь свои. И вот столбы
Потянутся, все медленней, темней.
Туда, на север, дальше от войны,
Нашествия врагов и саранчи,
Туда, где дни протяжны и темны,
И каждый гроб с собою волочит.
И ты влачи. Другого не бери.
Не будет никакого «там», «потом».
Впитается в дорогу долгий хрип,
Чтоб наши дети выросли на нем.

Мама, я сегодня проснулась и поняла, что умру.
Я погладила толстенького кота, пожарила пару яиц,
вышла на улицу в летнюю злую жару,
купила мороженое, перешла Каменноостровский и
все равно понимала, что умру, что это неотвратимо,
что это уже можно потрогать, понюхать, попробовать языком.
И солнце лилось с небес, и машины ехали мимо,
и было видно ясно и далеко.
Мама, так странно было, что ты не зовешь домой,
что я не рисую классики, что я не в своем дворе,
что я потерялась и непременно умру — такой
закон непреложный выросшей детворе.
Скоро наступит осень, мама, придет водою и листопадом,
и листья поднимутся над полями клубками дыма.
А я шла по Каменноостровскому, и смерть моя тоже рядом
шла, а я была живая невыносимо.

нам делали манту, и мы его мочили,
опасливо, тайком, эксперимента для.
мы вырастали в то, чему нас научили
от жвачек вкладыши и черная земля,

всосавшая в себя бессмысленные трупы
начала девяностых, мы росли на них,
как хищные цветы, ноктюрны в ржавых трубах,
как спорынья на ржи, как вольный белый стих.

и выросли для войн — вот орден, вот и крестик,
мы соль земли, и мы — ее же пережной.
храни же нас, Господь, в сухом прохладном месте
в коробке с прочей оловянной солдатней.